

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ БИБЛИОТЕКА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Н. Л. БРОДСКОГО, А. Е. ГРУЗИНСКОГО,

Н. М. МЕНДЕЛЬСОНА, Н. П. СИДОРОВА.

Выпуск 3-й.

В. ЛЬВОВ-РОГАЧЕВСКИЙ.

А. П. ЧЕХОВ

В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ
===== И ЕГО ПИСЬМАХ. =====

СОДЕРЖАНИЕ: I. Предисловие автора. II. Автобиография. III. Хронологическая канва. IV. А. П. Чехов, его эпоха, среда, личность и творчество в воспоминаниях современников. V. Письма А. П. Чехова. VI. Письма к А. П. Чехову. VII. Из записной книжки А. П. Ч.—VIII—План „Лешего“. IX.—Библиография.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Т-ва „В. В. ДУМНОВА, насл. бр. САЛАЕВЫХ“.

МОСКВА, — 1923 г.

Антон Павлович Чехов — лавочник.

Антоша — ученик I класса Таганрогской гимназии — недавно пообедал и только что уселся за приготовление уроков к завтрашнему дню. Перед ним латинская грамматика Кюнера. Урок по-латыни трудный: нужно сделать перевод и выучить слова. Потом длинная история по Закону Божию. Придется посидеть за работой часа три. Зимний короткий день подходит к концу, на дворе почти темно и перед Антошей мигает сальная свечка, с которой приходится то и дело снимать щипцами нагар.

Антоша обмакнул перо в чернильницу и приготовился писать перевод. Отворяется дверь и в комнату входит отец Антоши, Павел Егорович, в шубе и в глубоких кожаных калошах. Руки его синие-серые от холода.

— Тово... — говорит П. Е. — я сейчас уйду по делу, а ты, Антоша, ступай в лавку и смотри там хорошенько.

У мальчика навертываются на глаза слезы, и он начинает усиленно мигать веками.

— В лавке холодно, — возражает он, — а я и так озяб, пока шел из гимназии.

— Ничего... Оденься хорошенько — и не будет холодно.

— На завтра уроков много...

— Уроки выучишь в лавке... Ступай, да смотри там хорошенько... Скорее! Не копайся!

Антоша с ожесточением бросает перо, захлопывает Кюнера, натягивает на себя с горькими слезами ватное гимназическое пальто и кожаные рваные калоши и идет вслед за отцом в лавку. Лавка помещается в этом же доме. В ней не весело, а, главное, — ужасно холодно. У мальчиков-лавочников Андрюшки и Гаврюшки, — синие руки и красные носы. Они поминутно постукивают ногой об ногу и ежатся, и сутуловато жмутся от мороза.

— Садись за конторку, — приказывает отец Антоше и, перекрестившись несколько раз на икону, уходит.

Мальчик не переставая плакать, заходит за прилавок, взбирается с ногами на ящик из-под казанского мыла, обращенный в сиденье перед конторкой, и с досадой тычет без всякой надобности пером в чернильницу. Кончик пера натыкается на лед: чернила замерзли. В лавке так же холодно, как и на улице, и на этом холоде Антоше придется просидеть, по крайней мере, часа три: он знает, что П. Е. ушел надолго. Он запикивает руки в рукава и с'еживается так же, как и Андрюшка и Гаврюшка. О латинском переводе нечего и думать. Завтра — единица, а потом — строгий нагоняй от отца за дурную отметку.

Едва ли многим из читателей и почитателей покойного А. П. Чехова известно, что судьба в ранние годы его жизни заставила его играть за прилавком роль мальчика-лавочника в бакалейной лавке среднего разряда. И едва ли кто поверит, что этот строгий и безусловно честный писатель-идеалист был знаком в детстве со всеми приемами обмеривания, обвешивания и всякого торгового мелкого плутовства. Покойный А. П. прошел из-под палки эту беспощадную подневольную школу целиком и вспоминал о ней с горечью всю свою жизнь. Ребенком он был несчастный человек...

В зрелые годы своей жизни он не раз говаривал в тесном кружке родных и знакомых:

— В детстве у меня не было детства...

Семейный уклад сложился для покойного писателя так неудачно, что он не имел возможности ни побегать, ни порезвиться, ни пошалить. На это нехватало времени, потому что все свое свободное время он должен был проводить в лавке. Кроме того, на всем этом лежал отцовский запрет: бегать нельзя было потому, что «сапоги побьешь», шалить запрещалось оттого, что «балуются только уличные мальчишки», играть с товарищами—пустая и вредная забава: «товарищи, бог знает, чему научат».

— Нечего баклуши бить на дворе: ступай лучше в лавку, да смотри там хорошенько, приучайся к торговле!—слышал постоянно А. П. от отца.—В лавке, по крайней мере, отцу поможешь!

И Антону Павловичу приходилось с грустью и со слезами отказываться от всего того, что свойственно и даже необходимо детскому возрасту и проводить время в лавке, которая была ему ненавистна. В ней он с грехом пополам учил и не доучивал уроки, в ней переживал зимние морозы и коченел, в ней же тоскливо, как узник, в четырех стенах должен был проводить золотые дни гимназических каникул. Товарищи в это время жили по-человечески, запасались под ярким южным солнцем здоровьем, а он сидел за прилавком от утра и до ночи, точно прикованный цепью. Лавка эта с ее мелочной торговлей и уродливой, односторонней жизнью, отняла у него многое....

...Антоня чувствовал симпатию к Андрюшке и Гаврюшке, потому что их на его глазах били. Он с самых ранних лет, под благодетельным влиянием матери, не мог равнодушно видеть жестокого обращения с животными и почти плакал, когда видел, что ломовой извозчик бьет лошадь. А когда били людей, то с ним делалась нервная дрожь... В обиходе же П. Е.

оплеушины, подзатыльники и порка были явлениями самыми обыкновенными, и он широко применял эти исправительные меры и к собственным детям и к хохлятам-лавочникам. Перед ним все трепетали и боялись его пуще огня. Евгения Яковлевна постоянно восставала против этого, но получала всегда один и тот же ответ:

— И меня так же учили, а я, как видишь, вышел в люди. За битых двух небитых дают. Оттого, что дурака поучишь—ничего худого, кроме пользы, не сделается. Сам же потом благодарить будет...

П. Е. говорил это искренно и верил в то, что говорил...
«Вестник Европы» 1908 г. №11, из статьи **А. С—ого. (Александра Павловича Чехова).**